

Дмитрий Ахметшин

Будем жить всем назло

Дмитрий Ахметшин

Будем жить всем назло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25099709

Аннотация

Мы не замечали их считая надоедливymi спутниками цивилизации, паразитами, мусорщиками и разносчиками заболеваний. Мы смотрели на них свысока, жалели хлебной крошки и давили машинами, не испытывая особой жалости. И вот, в одночасье, мы поменялись местами. И теперь человеку приходится выживать, прячась по закоулкам и приглядываясь к себе подобным – ведь каждый может стать одним из них. Содержит нецензурную брань.

– Вот и всё, – сказал Антон, опустив пожарный топор. Женщина, лежащая перед ним, пыталась уползти, но мощный удар швырнул её в стену, сбив полку с фотографиями и свечками в разноцветных стеклянных стаканчиках, а второй – пробил голову.

Только теперь, когда необходимая работа была сделана, Антон ощутил усталость в мышцах и боль в правой руке. Прислонив топор к этажерке с обувью, он осмотрел кисть и покачал головой, увидев глубокие следы зубов. С осуждением посмотрел на ретривера, который пятился от него, скуля и поджав хвост.

– Ну ты и выдал, Макс.

Он двинулся к собаке, но та оскалилась, показав обагрённые кровью клыки.

– Я знаю, ты любил её, – Антон вздохнул. – Я тоже её любил. Но понимаешь, людское общество устроено куда сложнее, чем собачье. У вас радость остаётся радостью до самого конца, точно так же, как верность остаётся верностью. У людей всё может измениться за считанные минуты. Потому что мы, знаешь ли, редкостные мудаки и склонны к саморазрушению.

Он сделал ещё одну попытку погладить пса, но остановился, когда детский плач нашёл лазейку в его сознание. Он звучал уже давно, беря особенно высокие ноты, когда лезвие топора разрезало воздух.

– Тоня, – сказал он. Сделал хриплый вдох, покачиваясь из стороны в сторону, словно пьяный. – Как же я тебе скажу, что...

Он вошёл в детскую, ближайшую комнату по коридору. На двери висел декоративный венок из вербы, мать-и-мачехи и мимозы; цветы давно уже завяли, но никто не собрался его выкинуть. Уют в крошечной комнате создавали старательно и долго, и кровать со старомодными шашечками по углам была его эпицентром.

– Ты должна была расти в нормальном мире, – сказал Антон, поднимая младенца на руки. Девочке три с половиной месяца. Маленькое личико покраснело и сморщилось от крика. Он не осознавал, что говорит вслух, но, только услышав, как звуки его голоса тонут в густом плаче, стал думать практичнее. – Ты, наверное, голодная.

Несколько секунд он размышлял, глядя в наглухо занавешенное окно, квадрат которого становился всё заметнее по мере того, как наступало утро. Потом понёс ребёнка в прихожую. Антону не хотелось возвращаться на место убийства, но он как никогда сейчас осознавал, что выбора нет.

– Понимаешь, – говорил он, – Жанна отдавала тебе всё, что у неё было. Всю себя. И она была бы счастлива, если бы знала, что может помочь тебе даже после смерти. Даже таким образом...

Мужчина закашлялся, почувствовав, как подступают слёзы. «Не сейчас, – сказал он себе. – Не далее, как десять ми-

нут назад, ты убил свою жену. И ты не плакал. Ты сделал всё как надо, едва у неё в глазах появились эти чёрные кляксы. Так что не смей рыдать сейчас. Ты остаёшься отцом семейства. Ты остался единственным, кто может принимать решения. Так займись делом, пока не стало совсем светло».

Тело ещё не остыло, кровь вяло вытекала из разбитой головы. Ретривер вернулся, он обнюхивал руки женщины, поскуливая. Антон шугнул собаку. Одной рукой прижимая к себе малышку, даже не думающую успокаиваться, он взял за ногу жену и потащил её в гостиную, тёмное, заставленное мебелью помещение, похожее на склеп. Чиркнув спичкой, зажёл свечу, проверил, плотно ли задёрнуты шторы. Крупные пылинки неподвижно висели в ореоле дрожащего света. Когда-то всё было иначе. Здесь, в раскладном кресле, она и разрешилась от бремени, Антон перерезал пуповину, а Жанна, полуживая от боли, сама зашила Тоне пупок, потому что Антон так и не научился шить. Они тогда были счастливы, в пику всему миру, который рухнул в тартарары.

Он посадил Жанну, прислонив её спиной к стене, задрал на груди свитер, майку. Бюстгальтера она не носила. Антон сомневался, что кто-то из выживших ещё пользовался этой штукой. Она отошла в прошлое вместе со многими необязательными элементами туалета, а так же нормами морали. Осталось только то, без чего не прожить.

Ареолы вокруг сосков, которые сильно увеличились после родов, знакомая родинка на правой груди. Но главное –

это молоко. У Жанны всегда хватало молока, поэтому они даже не искали для Тони прикорм. Да и где его сейчас найдёшь? Питательная смесь ценилась у тех, кто остался, наравне с консервами и гречневой крупой.

– Мы найдём тебе пропитание, – сказал Антон дочери. Поднёс девочку к правой груди и удостоверился, что она схватила сосок. – А сейчас тебе лучше бы поесть от души. Мама любит, когда ты сытая.

Оглядевшись, он сдёрнул с кресла пухлую, воняющую плесенью подушку. Устроил её на коленях жены, под спинкой ребёнка. В последний раз пробежал пальцами по рёбрам женщины. Господи, какая она худая!..

Девочка жадно задвигала ртом. Её глаза были открыты. Антон предпочёл бы, чтобы она не смотрела, но ничего не мог поделать. Жанну сейчас не так-то просто узнать, и дело не в травмах, которые он ей нанёс. Совсем нет. Голубиная лихорадка постучалась и к ним в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.